

Культура. - 1998. - 17-23 сент. - с. 12

Еще лет десять назад Театр имени Гоголя именовали не иначе, как "театр у Курского вокзала". Сергей Яшин, назначенный художественным руководителем в 1986 году, медленно, но верно вытаскивал театр из "ямы", — его постановки вызывают стойкий интерес не только в столице, но и за пределами России. За последние сезоны театр получил немало престижных премий и наград. Мы попросили режиссера поделиться своим опытом выхода из кризисных ситуаций.

Что я увидел, придя в театр? Некоторые спектакли, давно идущие, такие, как "Декамерон" или "Безобразная Эльза", еще пользовались вниманием публики. Во всяком случае, зал пуст не был. Как ни странно, но через год-два, уже при мне, наступило более страшное время. В театре оказалось совсем немного зрителей.

Придя сюда, я, естественно, думал, за что хвататься? С чего начинать? Нужен новый репертуар. Но какой — пытаться ли угадать желания публики или слушать самого себя? Что делать с труппой, ведь она, как и везде, была очень неоднородной? Чем ее объединить? И тогда я задал себе вопрос: а что же лично мне как зрителю и человеку всегда было интересно в театре? Прежде всего, конечно, настоящая драматургия. И, во-вторых, актерский ансамбль. Вот с этих двух моментов я и решил начать: предложить труппе хорошую драматургию и работу.

Но жизнь преподносила сюрпризы, и не всегда приятные. Шел 1986 год. Стало возможным ставить не то, что тебе спускают сверху, но то, что ты сам хочешь. И одной из первых моих постановок стал спектакль по пьесам А. Володина. Я был убежден, что Володин должен присутствовать в репертуаре, потому что он с таких неожиданных сторон рассматривает жизнь человека. Кстати, автор был доволен, ему понравилась актерско-режиссерская работа. А зритель не пошел. Тогда ведь все были очень политизированы, на гребне успеха оказались публицистические спектакли. И, может быть, Володин в тот момент показался неактуальным. То же самое произошло с постановкой "Панночки" Н. Садура по гоголевскому "Вию".

Ну и что было делать? Пытаться во что бы то ни стало угадать, на что пойдет зритель? Да, есть режиссеры, которые умеют это здорово просчитывать. Или искать

"приманки" в виде приглашенных звезд? Ну вот, представьте, сыграет у нас, скажем, Пугачева, — конечно, она приведет за собой полный зал. Но будет ли это театром, неизвестно. Да и воспитан я был на другом искусстве. Для меня идеал — создание МХТ, театра автора и ансамбля. Та идея, столетие которой мы сегодня празднуем. И потому рецепт выживания был один: неси свой крест и веруй — в тот театр, который для тебя является идеалом, спасением в этой жизни. Я по-прежнему был убежден, что нужно говорить со зрителем о том, что прежде всего тебя самого волнует.

И со временем что-то начало ощущать меняться. Я поставил "Легенду о счастье без конца" У. Пленцдорфа, "После грехопадения" А. Миллера, и публика к нам потянулась. К театру появился интерес, о спектаклях писали, показывали их по телевидению. И это стимулировало дальнейшую деятельность. Хотя, скажу честно, до того, чтобы зал был набит битком (а у нас 800 мест), дело не доходило. И я понял еще одну вещь — не имеет смысла бороться за все эти 800 мест. Мне кажется, что для нормального психологического театра предел — 300 зрителей, ну, может, чуть больше на каких-то спектаклях. Потому что актеру следует находиться рядом со зрителем, публику нужно во-

Неси свой крест и веруй

Время иждивенцев давно закончилось

С. Яшин среди актеров своего театра

влечь в происходящее на сцене.

Может быть, каким-то образом стоит поискать адекватность облика конкретной постановки количеству зрителей. Мы, например, играем ряд спектаклей — "Иванова", "Бесприданницу", "Долгий день уходит в ночь" — в камерной обстановке. Занавес отсекает последние ряды зрительного зала. Не потому, что мы уж совсем не можем его заполнить, но прежде всего по творческим соображениям. Иначе мы просто не будем услышаны, но зато эти 400 человек — точно наши. Надо дать возможность театру самому распорядиться своим залом. И я твердо убежден: судить о творческом состоянии театра по количественным показателям нельзя. Это параметр чиновничий, опасный. Театр — дело живое, и тут можно легко погубить ростки чего-то настоящего. Боюсь, что именно это нам сегодня угрожает.

Что же касается финансового выживания, то есть такой театральный термин: "предлагаемые обстоятельства". И надо бы художнику научиться ориентироваться во времени и пространстве. Есть у тебя комната и 15 стульев — строй из этого свой театр. Никто нам денег просто так давать не будет. Это надо здраво понимать. И чем дальше, тем подачек будет меньше и меньше. Требовать ничего мы не можем и не будем, это бесполезно. Поэто-

му должны выживать сами. И пути здесь, помимо творческих, разные. Мы, как и многие другие, сдаем наши помещения каким-то близким структурам и фирмам. Территориально вокруг театра много институтов, и мы сейчас собираемся открыть молодежный клуб или Интернет-кафе, как это повсюду в мире делается. Хочется ведь не просто качать деньги, но чтобы вокруг нас складывалось какое-то интеллектуальное сообщество, близкое нашей сфере.

Почему нам пока удается оформлять спектакли, исходя из замысла? Потому что у нас все четко — свои, все производство — внутри театра. И мы даже можем принимать заказы, чтобы наших мастеров сохранить. Хотя, должен заметить, иногда бедность и нищета приводят к поразительным образным открытиям.

Кто-то считает, что следует поднимать цены на билеты. Мы этого пока не делаем, потому что ориентируемся на публику интеллигентную, не очень обеспеченную и не хотим ее потерять. Наши билеты стоят 20 — 25 рублей, а зачастую продаем еще и входные, всего по 5 рублей.

Сегодня говорят, что не может государство содержать большое количество театров. Как быть в такой ситуации? Считаю, что нужно продолжать заниматься делом. Ра-

ботать, работать и работать. А не ныть и не бегать по Москве, ища поддержки и собирая "общественное мнение". Потому что общественное мнение за тебя твою работу не сделает, и спектакли оно не ставит. Это профессия твоя и твоих артистов. Значит, ты их холь, лелей, коллекционируй, как говорили наши учителя. Или привлекай людей, которые могут помочь, тех же продюсеров. Иждивенчество и богательня не имеют никакого отношения к нынешним реалиям.

Наверное, сейчас все — режиссеры и директора — говорят о том, как мы бедственно живем. А мне хочется сказать, что я — счастливый человек. У меня есть театр, здание, труппа, возможность делать то, что я хочу. Да, зарплаты маленькие, но мы все же существуем. Я счастлив тем, что начну репетировать "Короля Лира", что театр поедет на фестиваль "Балтийский дом". Делай что-то, трудись, не жалуйся.

Может быть, мне и скажут, что государство не в состоянии содержать наш театр, что есть режиссеры интереснее, нужнее или беззащитнее, чем я. Ну что ж, приму это как должное. Но ведь запретить мне заниматься любимым делом никто не сможет. Значит, начиная сначала, иди в подвал, уезжай на периферию, собирай команду.

Сергей ЯШИН